

© 1993 г. ТАТАРИНЦЕВ Б.И.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛИ ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА? (К проблеме древних слов иноязычного происхождения в тюркских языках)

1. В последние десятилетия заметное внимание исследователей привлекают вопросы, связанные с происхождением лексики тюркских языков. Вышли в свет или готовятся к изданию этимологические словари языков этой группы, ряд монографических исследований, связанных с историей тюркской лексики. Все более возрастает количество публикаций, в которых дается истолкование происхождения тех или иных тематических групп или отдельных слов.

Однако несмотря на значительный интерес, проявляемый к указанной проблематике, тюркская этимология к настоящему времени еще не получила должного развития. Остается в значительной мере неясным происхождение основного лексического фонда тюркских языков; слабо изучен характер их контактов с языками других семей, особенно в древности, и результаты этих контактов, лексические заимствования в частности.

Вместе с тем в появляющихся научных публикациях постоянно увеличивается число сопоставлений, сближений друг с другом слов тюркских и нетюркских языков, имеющих определенную общность в своей форме и значениях. Зачастую в подобных случаях исследователи предпочитают интерпретировать подобные слова как заимствования из языков других семей в тюркские, что, однако, далеко не всегда выглядит убедительно.

В принципе более логичным и правомерным выглядит подход к заимствованиям, сформулированный следующим образом: "Этимологизируя славянские слова, исследователь, конечно, должен исходить прежде всего из genuinity и объяснять их как заимствования лишь в случае неудовлетворительности их genuinity (исконной, самобытной) этимологии" [1].

Сказанное должно быть по справедливости отнесено и к тюркским словам, особенно к тем, что принадлежат к базисной лексике и не являются очевидными (как правило, поздними) заимствованиями. Применительно к подобным словам, даже если у них обнаруживаются сходства, параллели и т.п. в лексике языков других групп, должны быть использованы прежде всего возможности их genuinity этимологизации, и, пока они не исчерпаны, трактовка этих слов как заимствованных не может выйти из разряда гипотез разной степени вероятности.

По отношению к основному лексическому фонду тюркских языков (как правило, принадлежащие к нему слова носят общетюркский характер) резервы и возможности истолкования входящих в данную часть лексики слов в плане их происхождения как исконно тюркских используются пока далеко не полностью или даже практически не используются вообще.

Это в свою очередь связано с существованием традиции, относящей такие слова к заимствованиям. Характерный пример — тюрк. *öküz* "бык", которое с начала XX в. считается одним из старейших заимствований из и.-е. языков [2, с. 522–523]. К настоящему времени существует два и.-е. сопоставления этого слова: одно исходит из его "алтайской" праформы **pökür*, а другое — из собственно тюркских форм, но оба они сталкиваются с трудностями фоне-

тического или структурно-фонетического плана, особенно заметными в первом случае [3, с. 29—30].

В то же время некоторые исследователи, например, Г. Дёрфер [4, 1, с. 539], высказывают мнение о том, что *öküz* — исконно тюркское слово, и это представляется вполне вероятным¹.

В русле указанной традиции выполнен и ряд недавних публикаций, посвященных вкладу в тюркскую (в том числе общетюркскую) лексику индоевропейских, а также китайского и других языков [8—13], хотя их авторы следуют традиции в разной степени.

С одной стороны, Вяч. Вс. Иванов, рассматривающий предполагаемые алтайско- (в основном — тюркско-) тохарские лексические связи, опираясь на публикацию А. Рона-Таша, учитывает сложность проблемы контактов соответствующих языков. Он, в частности, считает возможным говорить о заимствовании не только из тохарского языка в тюркские, но и в обратном направлении [8, с. 100—101]².

С другой стороны, в статье Д.Е. Еремеева, где приводится ряд слов, относимых к индоевропеизмам традиционно, говорится также как о вполне установленных фактах, в частности, о том, что *бука* "бык" < слав. *бык*³, что в словах *бир* "один", *биринджи* "первый" основа связана с и.-е. корнем (русс. *первый*, блр. *першы*, англ. *first*)⁴ и что тюрк. *сүрүг* "стадо" относится к "иранской скотоводческой лексике, усвоенной и тюркизированной тюрками" (?) [11, с. 129, 130, 133], причем в последнем случае неясно даже, с каким иранским словом реально сопоставляется тюркское⁵.

Подобные, довольно сомнительные примеры, по-видимому, должны подтвердить то, что Д.Е. Еремеев именует "культурным натиском" индоевропейцев, который на Востоке Евразии испытали не только тюрки, но и другие народы [11, с. 130].

2. Среди указанных публикаций особое внимание привлекают две статьи И.Н. Шервашидзе [9, 10], обширные по объему (особенно первая из них [9, с. 54—92]) и охватывающие значительный материал, хотя их автор и предупреждает читателя, что он ограничивается "предельно кратким рассмотрением наиболее древних пластов заимствований" и не претендует "на ... охват всего существующего материала [9, с. 54].

И.Н. Шервашидзе не только фактически всецело присоединяется к мнениям своих предшественников, традиционно относящих к числу заимствований целый

¹ Это слово привлекает внимание многих исследователей, продолжающих трактовать его как заимствование. Однако пока, как нам представляется, наиболее сильную сторону соответствующих публикаций составляют не сами версии иноязычного (индоевропейского) происхождения слова, а критические оценки существующих на сей счет мнений. Так, Е.А. Хеллмский обоснованно критикует точку зрения А. Рона-Таша, выводящего **öküz* из пратохарского *B hokso*, и считает более удачным сравнение тюркского слова с и.-е. **peku* "скот" [5]. Но подобные воззрения, в свою очередь, служат предметом критики со стороны А. Рона-Таша в его последующей публикации [3, с. 29—30]; ср. также оценку А.М. Шербаком версии Г. Дёрфера, возводящего *öküz* к и.-е. прототипу с начальным *p* и конечным *g* в основе [6].

Можно говорить, по-видимому, о кризисе существующих версий иноязычного происхождения тюрк. *öküz*, которое, возможно, вообще не является заимствованием. В последнее время предпринимаются попытки его этимологизации на тюркской почве [7], но, возможно, существует и другая, альтернативная предложенной и исходящей из звукоподражания, genuinная этимология данного слова.

² Следует заметить, что и сам А. Рона-Таш, на тюркско-тохарских сопоставлениях которого основывается публикация Вяч. Вс. Иванова, впоследствии отказался от некоторых из этих сопоставлений [3, с. 34].

³ Здесь и ниже сохранено написание слов, принятое в статье Д.Е. Еремеева.

⁴ Более распространено противоположное мнение, но оно вызывало возражения [14, с. 232].

⁵ Характер связи между тюркскими и и.-е. словами неясен; их гомогенность сомнительна.

⁶ Тюрк. *сүрүг*, как и другие его соответствия, бесспорно, производно от тюрк. *сүр* "имать (в частности стадо, скот)" [15, IV, стлб. 815, 816].

ряд общетюркских слов, но и расширяет этот "ряд", вводя в него новые составляющие.

Его публикации, хотя и в меньшей мере, нежели статья Д.Е. Еремеева, отражают излишне категоричный взгляд на языковые явления, когда та или иная общность, сходство слов тюркских и нетюркских языков истолковываются главным образом как результат заимствования этих слов из вторых языков в первые и когда не учитываются в должной мере другие возможности разъяснения подобного сходства.

И.Н. Шервашидзе с заметной долей скепсиса относится к возможности исконно тюркского происхождения некоторых из рассматриваемых им слов даже тогда, когда оно вполне ясно. Так, **duman > tuman* "туман, мгла" интерпретируется как "вероятный старый иранизм". Затем приводятся три собственно тюркские этимологии, которые, однако, не проанализированы и против которых не выдвинуто никаких возражений, но вывод, тем не менее, таков: "Поэтому в пользу иранского происхождения тюрк. **duman* требуются дополнительные аргументации" [9, с. 73].

Между тем приводимые собственно тюркские версии вполне удовлетворительны. Особо следует отметить последнюю из них, принадлежащую Г. Дёрферу и возводящую слово к глагольной основе **tum(a)-* "обволакиваться, окутываться". Ср. также сопоставление тюркского слова *tuman* с такими, как, например, тат. диал. *tüm-iz-* "нахмуриться", *tüm-as* "пасмурный, облачный" [16, с. 296]. Искомая производящая глагольная основа отмечается и в саларском языке: *tum-~tumi-* "темнеть (о небе), окутываться мглой", к которой непосредственно возводится слово *tuman* [17, с. 522—523].

В другом случае И.Н. Шервашидзе явно исходит из иноязычной версии происхождения слова как более предпочтительной. Он, например, пишет: "Ввиду надежной иранской этимологии вряд ли целесообразно производить тюрк. **kañir* "мул" от основы глагола *qai-* "смешивать", как то предпочитают, вслед за А. Вамбери..., Дж. Клосон... и др." [9, с. 75].

Естественно, что при таком подходе надежность тюркской этимологии по существу никак не оценивается. "Надежная" же иранская этимология выглядит следующим образом: «Слово, по-видимому, заимствовано из согд. **xñr-* [*xariar*] "мул", по Г. Бэйли, *xarataraka-* ..., ср. согд. *ññr'k*, хотанско-сак. *kxaxara* < **xarataraka*..., н.-перс. *astar* тж. ... от иран. **aspa-tara-* (при др.-инд. *aśva-tarā-*)» [9, с. 75]. Остается, однако, неясным, чем эта этимология превосходит ту, которую предпочли Дж. Клосон и другие исследователи, правомерно исходящие из примата исконной этимологии (кстати, вполне удовлетворительной) над заимствованием.

Собственно тюркское происхождение слова достаточно ясно и в случае **ōtag* "шатер, жилище" [9, с. 77], где также приведена обоснованная этимология, исходящая, в частности, из тюрк. **ōt* "огонь", **ōta-* "зажигать", **ōt-a-g* "место, где поддерживается огонь". Однако, по мнению исследователя, и здесь нельзя исключить заимствование из согд. **wi'k* "область, местность". Вместе с тем ниже, в примеч. 28. сказано: "... конечно, не исключено, что сама согдийская форма ... может действительно оказаться тюркизмом". Какое же из этих двух "исключений" сам автор считает истиной?

3. В рассмотренном выше случае допускается все-таки (как исключение) возможность обратного заимствования (из тюркского в нетюркский язык). Обычно в статье подобные возможности не рассматриваются. Если же кто-то другой их допускает, то такая альтернатива отвергается "с порога".

Приводя, например, распространенное мнение, согласно которому тюрк. **tūg* "знамя" восходит к ср.-кит. *dok* (др.-кит. **dūk*) "штангарт, стяг, знамя; бунчук (из перьев или бычьих хвостов)", автор сообщает, что последнее "засвидетельствовано в китайском уже по крайней мере с середины первого тыс. до н.э. ..., поэтому предположение Г. Дёрфера... о возможности, напротив, заимствования в китайском из тюркского представляется крайне неправдоподобным" [9, с. 69].

Упомянутое предположение связано с тем, что Г. Дёрферу непонятна передача кит. *-k* через тюрк. *-g*. И.Н. Шервашидзе считает, что это "обычное явление в китаизмах в тюркском", и ссылается на другие, сходные случаи, рассматриваемые им в той же статье (**bäg, *kög, *ug*), но эти примеры не представляются убедительными, и переход *-g > -k* нам видится более логичным (на части подобных случаев мы остановимся ниже).

Есть основания предположить в случае со словом **tüg* тюркское заимствование в китайском, но их следует связывать не только с сомнениями относительно реальности определенных звуковых изменений. Возражение И.Н. Шервашидзе, что слово зафиксировано в китайском с середины первого тыс. до н.э., не является достаточно сильным, поскольку тюркский язык на одной из своих ранних стадий развития существовал и тогда (см., в частности [18, с. 9]). Кроме того, уже в то время могли иметь место и китайско-тюркские языковые контакты⁷, имевшие одним из своих вероятных результатов также тюркские заимствования в китайском. Эти древние контакты изучены, думается, очень слабо, и здесь вполне допустимы подобные "неожиданности".

Во всяком случае, реально говорить о генуинной, собственно тюркской этимологии слова **tüg*, которое означает не только "знамя, флаг" (в современном смысле), но и, что более существенно, — в прошлом имело значение "кисть из волос конского хвоста на знамени или на шлеме как степень, жалуемая папшам, бунчук" [15, III, стлб. 1422], а бунчук означает "короткое древко с привязанным конским хвостом как символ власти"... [19]. Можно полагать, что ранее **tüg* и обозначало хвост (в виде пучка волос, кисти, султана и т.д.) или нечто подобное: ср. в этом плане ст.-узб. *tug* "кончик верблюжьего хвоста" [20], тур. *tug* "хохол (у птиц)".

По-видимому, слово **tuy(*tüy)* могло служить названием различных объектов, связанных с поднятием и, вместе с тем, — вращением или другим сильным, резким движением (биением, трепетанием и под.)⁸. В этом плане интересен уйгурский архаизм *tuy* "веревка, протянутая от потолка, держась за которую бахши⁹ кружится при заворачивании" [22, с. 335]. С этим же словом, по-видимому, гомоте: на основа глаголов типа шор. *tuýula- [tuy-(u)la-]* "вставать на дыбы; скакать", корчиться; взвиваться", хак. (диал.) *tuýula-*, (диал.) *tüya-* (<**tuy-la-*) "брыкаться, взвиваться; понести (о лошади); биться (о рыбе)", ккап. *tuwla-* "биться, беспокоиться; резвиться, капризничать; играть (о жеребенке); развешиваться", каз. *tuw-la-* "брыкаться, вставать на дыбы (о норовистом коне); бушевать, волноваться (о пучине)" (в последнем выделен компонент **tuw* с предполагаемой семантикой "нечто поднимающееся") [23, с. 288].

Общетюркское **tön~*dön* "одежда; халат" обычно считается хотано-сакским заимствованием (<*thauna* "ткань; шелк")¹⁰, что, однако, вызывает сомнение у ряда исследователей (Дж. Клосон, Г. Дёрфер, Э.В. Севортян)¹¹. Не разделяет эту точку зрения и И.Н. Шервашидзе, которому «представляется более целесообразным выведение слова из ср.-кит. *twān* (др.-кит. **tōn*)... "длинное платье, халат"..." [9, с. 63], причем это слово ближе по форме к реконструированному древнекитайскому.

Однако и здесь, как и в случае с **tüg*, вполне возможно говорить о заимствовании из тюркских языков в китайский, а не наоборот, что подтвержда-

⁷ Ср. также датировку древнетохарско-пратюркских контактов серединой первого тысячелетия до н.э. [18, с. 8]

⁸ Ср. указание на принадлежность русск. *хвост* «к большой семье экспрессивной лексики со значениями "хватать", "мотать" и близкими» к ним [21]

⁹ Слово *бахши* (*baxši*) в уйгурском языке имеет, в частности, значение "юродивый, изгоняющий злых духов из больных" [22, с. 185]

¹⁰ В других источниках у этого слова приводится семантика "одежда, платье". Кроме того, в этимологическом словаре Э.В. Севортяна указано (по-видимому, ошибочно), что оно — санскритского происхождения [16, с. 264]

¹¹ Дж. Клосон также выражал сомнение в том, что тюрки не имели собственного слова для одежды и, следовательно, в том, что **dön~*tön* вообще является заимствованием [24, с. 512]

ется широким спектром значений тюркского слова, связанных, с одной стороны, с одеждой, искусственной оболочкой (наименования закрытых видов одежды, вроде халата, шубы, кафтана, плаща, тулупа, штанов, нательного белья, а также изредка — значения "обувь, сапоги"). С другой стороны, у соответствий слова *dōn* отмечена и более древняя, пережиточная (по логике вещей) семантика, которая связана с естественноприродными объектами: "оболочка зародыша, плода", "материнское лоно", "масть (лошади и пр.)" [16, с. 263] и которую в аспекте семантической производности можно связать с *to-* (*tō-*) "закрывать".

Таким образом, тюркское слово морфологически членимо, и в этом случае допустима его генинная этимология¹².

Вероятность обратных (тюркских) заимствований не исключается и в других ситуациях. Так, относительно **kōg* (/ / *kūg*) "мелодия, песня" сказано, что оно «несомненно, представляет собой заимствование из ср.-кит *khōuk*/совр. *qū* "песня, песенка; ария, музыка (к песне)...» [9, с. 67]. Однако говорить об этом с такой категоричностью едва ли правомерно.

Г. Дёрфер и в данном случае допускает возможность тюркского заимствования в китайском языке, видя здесь проявление, в частности, значительного влияния центральноазиатской музыки на китайскую. Он задает также уместный вопрос: "Должно ли каждое слово, похоже звучащее в тюркских и китайском языках, обязательно быть китайским?" [4, IV, с. 304].

Тюрк. *kōg*, а также его варианты (скорее, морфологические) с конечным *-k*, вроде чаг., тур. *kök* "согласие звуков; гармония, строй; настроение; тон, пение в музыке", азерб. *kök* "настроенный (о музыкальном инструменте)", возможно, гомогенны с односложной глагольной и соответствующей ей основой общетюркского имени типа *kōñul-gōñul*, *gōvün-gōjün* "настроение; чувство; согласие" и т.д. (см. [16, с. 76—77]). Вероятна также связь *kök* и *kōg* с глаголом *kōn-* (**kōn-*) "делаться прямым; исправляться; соглашаться; становиться на правильный путь; становиться покладистым, смиренным" [16, с. 74—75]. Не исключено, таким образом, существование глагольной основы **kō-* "делать ровным; направлять, налаживать", от которой производными, образованными при помощи аффиксов *-g* и *-k*, могли быть *kōg* и *kök*, а с последними допустимо связать и ср.-кит. *khōuk*.

4. И.Н. Шервашидзе не рассматривает и такую возможность объяснения близости слов разных языков, как случайное сходство (совпадение) гетерогенных языковых явлений, что весьма вероятно при сближении языков, далеких друг от друга в пространственно-временном отношении.

По мнению исследователей, занимавшихся изучением подобных совпадений, "критерии различения случайных и неслучайных сходств неизвестны" и "нередко приходится довольствоваться альтернативными решениями: случайное совпадение или совпадение на почве генетического родства; случайное совпадение или заимствование; случайное совпадение или совпадение изобразительных слов"... [26].

В подобных ситуациях автор однозначно решает вопрос в пользу заимствования в тюркских языках. Так, стремясь утвердить и.е. версию происхождения тюрк. **kijün* "наказание; кара", он следующим образом реагирует на собственно тюркскую этимологическую версию: «Возражения Г. Дёрфера..., указывающего на несоответствие гласных в первых слогах индоевропейской и тюркской форм и на возможность произведения тюрк. **kijün* от **kij-* "сгибать" (?), вряд ли можно признать существенными» [19, с. 82].

А между тем еще В.В. Радлов обоснованно связывал тюрк. *kijün* с указанным глаголом, означая, правда, не столько "сгибать", сколько "делать вкось, скашивать", "срезать, срубать (наискось или сбоку)", а кроме того, — "губить, уничтожать, убивать; быть безжалостным, беспощадным" [15, II, стлб. 718; 27, с. 336]. Подобная семантика вполне приемлема как мотивирующая для *kijün* "наказание; кара" (а также "муки, мучения; пытка" и т.п.).

¹² Более детальное ее рассмотрение содержится в [25, с. 145—150].

Структурно слово вполне ясно: это отглагольное образование на *-(u)n*. Что касается интерпретации сопоставления Г. Рамstedтом, а затем И.Н. Шервашидзе указанного тюркского слова с и.-е. **k^uei-na-* // **k^uoi-na-* "наказание", здесь, по-видимому, более реально говорить о случайном сходстве, нежели, допустим, о заимствовании или о проявлении генетического родства.

Нечто подобное можно сказать и относительно сопоставления тюрк. **jūgān* (/ **jūgün*) "уздечка" и его предполагаемого "индоевропейского прототипа" **^hieug-eno-* (ср., например, скр. *uōjana* "запрягание, упряжь")...» [9, с. 82].

В принципе исходная форма тюркского слова представлена верно. Вместе с тем прав и Э.В. Севортян, считающий, что здесь налицо производное на *-(a)n* от глагольной основы, хотя едва ли можно согласиться с тем, что конечным ее согласным был *-ŋ* (**jūg-*), а не *-g* (**jūg-*) [2, с. 577]. Мы полагаем, что название узды гомогенно с др.-тюрк. *jūgūr-* "натягивать основу ткани" [28, с. 284], представляющим, вероятно, каузатив от **jūg-* или **jūg(a)-* "подниматься, натягиваясь", что логично, когда речь идет об узде. Ср. также чулым.-тюрк. *čügürvā* "веревка" [29] (< **jūgūr-mā*), сарыг-югур. *jūgde-* «колебать и вытаскивать с корнем траву "чий" из земли» [30]¹³.

Семантико-типологически к **jūgān* близко др.-уйг *kötrüngü* "узды, уздечка" [31, с. 339], определенно связанное с прилагательным *göterinki~köteriŋki* "приподнятый" в некоторых тюркских языках. Последнее, в свою очередь, — производное от *göter~köter-* (*~kötür-*) "поднимать; отнимать, отрывать"... [16, с. 86—87, 88].

5. Можно отметить, что в обоих случаях (с **kijin* и **jūgān*) не комментируется отсутствие в тюркских словах конечных гласных, имеющих в их предполагаемых и.-е. прототипах, в связи с чем возникает вопрос, являются ли подобные различия в звуковом облике слов несущественными для предлагаемых выше этимологий.

Такой вопрос возникает, в частности, потому что иногда фонетическим различиям в статьях И.Н. Шервашидзе, напротив, прилагается роль решающего аргумента, в частности, если надо обосновать версию о заимствовании слова в противовес версии его исконного происхождения. К примеру, тюрк. **čātīr* "шатер" относится к иранизмам, при этом отмечается, что такая этимология "связана с некоторыми трудностями (наличие перс. *-d-* при тюрк. *-t-* и не вполне определенное происхождение самой персидской формы...)". Далее И.Н. Шервашидзе приводит тезис (А. Вамбери, Ю. Немец) о производности тюрк. *čātīr* от *čat-* "складывать, прикладывать", но в заключение соглашается с мнением Г. Дёрфера, согласно которому **čātīr* не может быть производным от *čat-* (ввиду различия гласных по количеству) [9, с. 73].

Но если даже долгота в **čātīr* — реальность, то это еще не причина, чтобы отвергать связь указанной тюркской глагольной основы и соответствующего имени, поскольку подобные различия гласных иногда встречаются и в других случаях: ср., например, туркм. *gīsga* "короткий" и *gīs-* "сжимать, теснить", *daš* "наружность, внешний вид; двор, улица" и *dāš-* "литься наружу, через край; разливаться".

К тому же восстанавливаемая и в случае **čātīr* в немалой степени на основе туркменских данных (*čādīr* "палатка, шатер") долгота не бесспорна. Ср. в этом плане данные тувинского языка, где в подобных ситуациях налицо фарингализованный гласный, который должен соответствовать первичным кратким, а не долгим гласным [32, с. 43—46; 33]: *kī'ska* "короткий; краткий", *da'zi-* "разливаться (о реке)", *ča'dīr* (< **čātīr*) "шалаш, чум".

Исходя из сказанного, **čātīr* (не обязательно **čātīrl*) — скорее всего, тюркское по происхождению слово, производное от *čat-* с указанной семантикой [у него зафиксированы также значения "складывать концом к концу, соединять (кон-

¹³ Возможно, структурно глагол *jūgde-* представляет собой производное слово, образованное при помощи аффикса *-e-* от имени **jūgūt* (< **jūg-* в указанном значении).

нами)", "сооружать" и пол.] и определенно родственное с такими словами, как чаг. *čatay* "круг, поддерживающий юрту" [15, III, стлб. 1895], тур. *çatı* "сруб, каркас; кровля, крыша (покатая)", *çatık* "соединенный". Не исключено, впрочем, что в каких-то тюркских языках соответствия **čadīr* могут быть и вторичными заимствованиями из персидского (как, возможно, туркм. *čādīr*).

6. В целом фонетические признаки ранних заимствований, рассматриваемых И.Н. Шервашидзе, а также закономерности звуковых изменений, происходящих с соответствующими словами при их заимствовании, практически не изучены, а те типы изменений, что устанавливаются "по ходу дела"¹⁴, не всегда доказательны, что, кстати, иногда отмечается и самим автором. Так, в уже упоминавшемся случае со словом **katīr* его иранский прототип (согд. **xrtīr* [*xartar*]) содержит срединный *-r-*, в тюркском слове отсутствующий. По мнению И.Н. Шервашидзе, этот согласный мог подвергнуться диссимилятивной элизии, в связи с чем читатель отсылается к аналогичному случаю с **dāmīr* "железо". Но в соответствующем месте сказано: "Проблему, однако, представляет утрата в тюркском срединного *-r-*: ожидалась бы форма типа **dārmūr* (**dārmir*)", а в конечном счете "китайская этимология тюркского названия железа вполне вероятна, но еще не может считаться окончательно доказанной" [9, с. 62, 63]. Думается, что в этом автор как раз прав, и тогда убедительно объяснить элизию *-r-* в том и другом случае едва ли возможно.

Нельзя считать доказанной и возможность передачи кит. *-n* через тюрк. *-r*. Так, автор сопоставляет тюрк. **bakīr* "медь" со ср.-кит. *bāiḳ-ḡin* "серебро; серебряные деньги" (букв. "белое серебро"), но если переход *-n > -r* здесь считается возможным, то, как признает автор, объяснить отсутствие срединного *-ḡ-* в тюркской форме непросто, а потому "данное объяснение слова может оказаться не единственным возможным" [9, с. 57]. Кстати сказать, и семантический переход "серебро" → "медь" также не вполне понятен.

Сходная ситуация наблюдается и со словом **gūr* (> *kūr*) "смелый, отважный", которое, с учетом той же возможности передачи *-n* через *-r*, сопоставляется со ср.-кит. *kūn*/совр. *jūn* "государь, владетельный князь, сюзерен, глава, правитель, владыка" [9, с. 64]. Однако изменения в семантике китайского слова (титула) на тюркской почве не выглядят сколько-нибудь убедительно. К тому же они не показательны для заимствований, определенно восходящих к китайским титулам [9, с. 68—70] или, по крайней мере, возводимых к ним в рассматриваемых публикациях [9, с. 57—58; 10, с. 83—86], где титулу соответствует обычно именно титул, но не слово с иной семантикой.

В случае **čār-ig* "войско" фактически имеется удовлетворительная тюркская этимология, связанная с именами А. фон Габэн и М. Рясянена и упоминаемая И.Н. Шервашидзе. М. Рясянен приводил, в частности, телеут. *čār-*, *čār-tū-* "сражаться", а также чаг. *čār-ān-* "усиливаться" (по материалам В.В. Радлова), и ясно, что *čār-ig* является производным от глагольной основы типа *čār-*.

И.Н. Шервашидзе, опираясь на случаи **bakīr* и **gūr*, считает возможным сопоставить тюрк. *čār-* со ср.-кит. *čei* "война; бой, сражение, битва, схватка; вести войну (бой, сражение)..." [9, с. 61]. Но на указанных случаях основываться неправомерно, поскольку в них передача *-n* через *-r* не доказана. Кроме того, автор, ссылаясь на работу Э. Пуллиблэнка, упоминает о передаче иноязычного *-r* через *-n* в ранних китайских транскрипциях [9, с. 57, примеч. 6], и может возникнуть вопрос, не имеем ли мы дело в ситуации, описанной выше, как раз с переходом *r > n*, т.е. с заимствованием из тюркского в китайский.

Более вероятной представляется передача в тюркских словах кит. *-ḡ* через *-n*, но и она, думается, есть скорее исключение, чем общее правило. Переход *-ḡ > -n* отмечен в одном из китаизмов, титулов, фигурирующих в древнетюркских текстах и отсутствующих в современных тюркских языках,

¹⁴ Главным образом для слов, относящихся к китайским заимствованиям

а именно в титуле *qinčuj* [9, с. 69], при том, однако, что в других подобных титулах, приводимых тут же, кит. -*η* передается тюркским же -*η* (титулы *oη, saηin // säηün, tutuη*) [9, с. 69—70].

В остальных случаях переход -*η* > -*η* вызывает сомнения, как, например, в связи с этимологией тюрк. **altun//altin* "золото". И.Н. Шервашидзе придерживается точки зрения, согласно которой это слово является результатом сложения основ, в первой из которых видят тюрк. **äl* "красный, рыжий, розовый", а в другой — слово, обозначающее металл (в частности, медь) и являющееся китаизмом. По его мнению, прототипом второго компонента тюркского слова является ср.-кит. *duη* "медь, бронза латунь", а в целом **altun* — калька (точнее — полукалька) со ср.-кит. *ček-duη* "красная медь".

Г. Дёрфер по поводу подобной этимологии **altun* высказал довольно существенное возражение относительно возможности сочетания тюркского *al* с не употребляемым в тюркских языках названием металла, но это возражение некоторым его оппонентам не представляется убедительным [34]. Нам же неубедительным представляется здесь само калькирование, при этом характеризующее обычно результат письменного, чем устного заимствования, тем более что, по мнению автора, речь идет об одном из древнейших заимствований (III—IV в.н.э.) [9, с. 71].

Фонетически изменение *al-duη > altun~altin* выглядит также сомнительно, во-первых, в плане преобразования -*η* > -*η*. Сонант *η* в тюркских языках достаточно древен и относительно устойчив, особенно в конце слов, а также слогов [35, с. 303, 343—344], и в рассматриваемом случае он, скорее всего, должен был сохраниться. Во-вторых, неясно соответствие кит. -*d*~ тюрк. -*t*:- следовало бы ожидать, вероятнее всего, нечто вроде **aldun*, но не **altun*¹⁵.

Переход -*η* > -*η* предполагается еще в конце слога в тюрк. **inči* "наследство, приданое" < ср.-кит. *jit-čä* "сопровожающий невесту (в качестве части ее приданого, например, о служанке)" [9, с. 64], но и это сопоставление, довольно любопытное, также недостаточно убедительно, тем более что в этом случае имеется собственно тюркская этимология Э.В. Севортяна [2, с. 361—362], не рассматриваемая И.Н. Шервашидзе. А между тем несмотря на то, что в этой версии можно отметить некоторые уязвимые моменты и что здесь возможны уточнения, в целом она позволяет объяснить форму тюркского слова более логично, не прибегая к определенным натяжкам, каковым представляется не только переход -*η* > -*η*, но и появление узкого конечного гласного на месте кит. -*ä*.

Поскольку в целом изменение -*η* > -*η*, а в особенности передача кит. -*η*- через -*т*- не доказаны, нет оснований и для датировки (более ранней) тех китаизмов, которым приписываются соответствующие переходы согласных (см. [9, с. 71]).

7. Далеко не всегда можно согласиться с утверждением автора, что с иносказательными словами сопоставляются тюркские слова в исходной, первоначальной форме, а не их вторичные фонетические варианты. Так, у названия серебра праформа восстанавливается с традиционным "ламбдаизмом" (**gümül*), в то время как вариант *kümül* истолковывается как вторичный, производный от **gümül* [9, с. 63], что в настоящее время нельзя считать бесспорным (см., в частности [34, с. 357—360]). "Трудности... фонетического порядка" при сопоставлении тюркского слова с кит. *kim-liew* усматриваются только в том, что "не совсем ясна причина метатезы во втором слоге" [9, с. 63], хотя эти трудности не сводятся к указанной метатезе.

¹⁵ Нельзя ли предположить, что **altun~altin* является в конечном итоге результатом собственно тюркского аффиксального словообразования от *al* "красный" и что оно гомогенно таким словам, как чяг. *altaj* "род лисицы, из которой делают шубы", "красноватый, золотистый" ([15, I, стлб. 403]; ср. также это слово в форме *altaji* [36]), каз. диал. *altal* "красивый, красный цвет" [37]? Возможно, существовал глагол **al-t-t*, где -*t* — афф. глаголообразования, а -*t* — афф. каузатива или формант с участвующим-интенсивным значением. В таком случае *altun < alit- + -(a)n* См. также ниже наши замечания относительно происхождения слова *alma* "яблоко"

Тюркское название утки, праформа которого представлена в виде **ördäk* (**örtäk*), сопоставляется, вслед за некоторыми другими исследователями, с и.-е. **arōd-* // **erōd-* "водяная птица" [9, с. 82], причем остаются неясными как фонетические различия сравниваемых слов, так и различия в их структуре. Относительно последних скажем только, что "в тюркском основа оформлена обычным именным суффиксом", что далеко не проясняет дело.

Вместе с тем исходная форма тюркского слова пока, в свою очередь, не совсем ясна и вполне может быть представлена иначе, чем в [9]. Например, Г. Дёрфер, а вслед за ним — Э.В. Севортян более вероятным считают *örddäk* из *öderek* / *ödirek* / *ödrek*. Сходным образом рассматривается исходная форма и К. Менгесом [2, с. 548].

Едва ли следует так уверенно, как это делает И.Н. Шервашидзе, относить варианты типа **ödiräk* к вторичным. Для этого не имеется достаточных оснований¹⁶.

Случай, когда с иноязычным словом сопоставляется не первичный фонетический вариант слова, возможно, представляет собой и название слона в форме *jaṇa(n)*. Исходную пратюркскую форму И.Н. Шервашидзе реконструирует в виде **jaṇa*, которую он считает оправданным сравнить со ср.-кит. *zjāṇ* "слон" и у которой начальный *ʃ-* восстанавливается, исходя из монг. *ʃaṇan* "слон", что не совсем логично, поскольку выше сказано, что монгольское слово является тюркским заимствованием [9, с. 65]. В связи с этим небезынтересно замечание о том, что "для монгольского *ʃaṇan* из-за начального *ʃ-* при заимствовании не исключено посредство тюркского *ж-* диалекта" [38, с. 60]. Таким образом, *ʃ-*, скорее всего, вторично по отношению к *-j-*. Структурно неопределенной в этой версии выглядит и конечная часть тюркского слова [*-a(n)*].

Можно согласиться с Дж. Клосоном, что слон для древних тюрков был животным экзотическим, и это обстоятельство в определенной мере объясняет те довольно разнородные сопоставления тюркского названия слона, которые присугествуют в современных публикациях. Помимо вышеприведенного случая, это слово сближается с тох. А *oñkalam*, *oñkolmo* "слон", причем указывается, что здесь "вероятно происхождение из субстратного австроазиатского слова, ср. др.-кит. *ya* < **ng(r)a* "бивень слона", протомонг. **ngo'la* "бивень слона", вьетн. *ngà* "слоновая кость" [8, с. 102]. Надо, однако, сказать, что это сопоставление сталкивается с проблемами структурно-фонетического плана.

Любопытно также сравнение варианта *jaṇa*, характерного для древнеуйгурских памятников, с скр. *nāga* "змея; слон". По мнению исследователя, при адаптации слова могли произойти замещение анлаутного *n-* через *-j-* и, одновременно, — назализация срединного гуттурального: *-ŋ- > -ṇ-* [38, с. 60].

Изменения в анлауте вызывают сомнения, но переход интервокального *ŋ > ṇ* представляется достаточно вероятным, особенно если предположить, что исходной формой слова была **jaṇan* и что этот переход отражает ассимилирующее влияние конечного *-n*.

Таким образом, вышеприведенные сопоставления уязвимы с фонетической, а отчасти и с других точек зрения. Неприемлемо, как правильно отмечает И.Н. Шервашидзе, и сопоставление со словами греческого языка, проводимое М. Рясененом [9, с. 65].

В то же время исследователями далеко не в полной мере использованы возможности выяснения происхождения слова, исходя из материалов тюркских языков, хотя такие возможности существуют. Так, в цитированной выше статье "Этимологического словаря тюркских языков" допускается, что тюркское на-

¹⁶ Тюркское слово имеет ряд фонетических и, возможно, словообразовательных вариантов (см. [2, с. 547–548]). Вероятно, оно, как и ряд других названий птиц, связано с звукоподражательной основой или с глаголом, обозначающим соответствующие звукоизвлечения. Не исключено, что последний родственен общетюркскому **öl-* ~ **el-* "петь" (о птицах); "куковать"; "стрекотать"; "квкать" и т.п., а также соотносительному с последним имени типа др.-тюрк. *öl* "голос".

звание слона может быть эвфемизмом. Кроме того, есть рациональное зерно и в идентификации М. Рясняном *jagan* "слон" с алт. *d'an* "большой, громадный" (<**jaγan*); ср. также сочетание *jān aγ* "слон" [38, с. 60] (букв. "большой, громадный или великий зверь"). Вполне вероятно, что это и было первоначальное, эвфемистическое название слона, которое, таким образом, восходит к сочетанию качественного прилагательного и определяемого им существительного и является результатом субстантивации. Такие случаи весьма характерны для тюркских языков [39]¹⁷.

С учетом этих обстоятельств, а также принимая во внимание вероятность в пратюркской форме названия слона интервокального -γ- (**jaγan*), представляется допустимым сближение этого слова с общетюрк. *jayrın* (варианты *jayır* ~ *jayrı* и т.д.) "верхняя часть спины", "плечо", "лопатка", "хребет", "холка, загривок"... которое, правда, не имеет ясной этимологии [38, с. 65—67], но в нем, как и в **jaγan*, возможно вычленение глагольной основы **jaγ(a)*- "подниматься (выдаваться, выпирать и под.)" < **jaγ* (? ср. туркм. *jāy-la-w* "выступ на ноже между лезвием и рукояткой")¹⁸.

8. В ряде случаев со словами других языков сопоставляется единственный структурно-морфологический (словообразовательный) вариант тюркского слова, в то время как существуют и другие варианты, образованные при помощи иных формантов, но такие варианты не принимаются во внимание вообще или не учитываются должным образом.

В этом плане характерен случай с тюрк. **kalın* (**kalım*) "калым, выкуп за невесту", возводимым к ср.-кит. *kā-lem* "приданое" (букв. "ящик с приданым"). Однако далее отмечается: "При этом причина появления в древнетюркском варианта с конечным -η остается не вполне ясной и требует специального обоснования" [9, с. 67].

Надо сказать, что вариант с конечным -η (*kalın*) является не только древнетюркским: он отмечен и в современных языках (см., например [15, II, стлб. 242]). Кроме того, в специальном обосновании (разъяснении) нуждается не только он. Того же требует и *xalıx* "калым", употребляющееся в хакасском языке наряду с *xalıм* и *xalıη*.

Конечные согласные -n, -m, -x (<-k) (вероятно, с примыкающим узким гласным -i-) едва ли имеют чисто фонетическую природу; скорее всего это различные словообразовательные форманты тюркских языков, с помощью которых образуются, в частности, отглагольные имена. В данном случае производящей могла быть основа **kal-* "увеличиваться, прибавляться" (ср. туркм. *gal-* "подниматься; увеличиваться, прибавляться; повышаться; подорожать, стать дороже" и *galın* уст. "выкуп").

В свою очередь **kal-* могло быть залоговой формой от *ka-* (др.-тюрк.) "класть, складывать", а с названием калыма, вероятно, гомогенны др.-уйг. *kap* (?<*ka-*) "налог, подать" [40], др.-тюрк. *kalan* "калан, основной налог с земледельческого населения" (и его современные соответствия), *kalay(γ)ur-* "увеличиваться, размножаться", *kalıñurt-* "увеличивать" [28, с. 410—412].

Рассмотрим в этом же плане предполагаемый китаизм тюрк. **ug* "дугобразно согнутые палки, подпирающие крышу юрты", который, как считает И.Н. Шервацидзе, восходит к ср.-кит. 'uk "комната, помещение; дом, здание, жилище; крыша (дома); верх (экипажа); покров, балдахин; покрывшка".

¹⁷ Такое же семантическое развитие имело место, скорее всего, в случае **hāj* "богатый" (в также "богач", "богатство" и др.), которое И.Н. Шервацидзе считает вероятным заимствованием из ср.-перс. *bay* "бог; господин", указывая при этом что «семантическое развитие "бог" → "богатый"/"богатство" — довольно обычное явление ...» [9, с. 72]. Но, думается, что более прав Э.В. Севортян, полагающий, что «древнейшим значением (тюркского. — Т.Б.) слова *bay* является адъективное 'богатый'» [14, с. 28].

¹⁸ Ср. также туркм. *jāyırın* "лопатка" [32, с. 61].

Про тюркское слово сказано, что оно слабо представлено в современных языках [9, с. 69]. Это не вполне соответствует реальности: судя, к примеру, по данным словаря Э.В. Севортяна, в этом случае не учтенным автором, соответствия слова *ig* распространены достаточно широко (см. [2, с. 583]). Отмечены, в частности, в основном варианты с конечным *-k*, а конечный *-g* (*-γ*), кроме др.-тюрк., отмечен еще у чаг. *ig* "шесты, образующие крышу юрты" и у узб. диал. *īg* "жердь, скрепляющая нижнюю часть юрты с ее верхним ободом", где обращает на себя внимание долгота гласного [ср. также туркм. *īk* "длинные деревянные вогнутые жерди, на которых держится верх кибитки", кирг. *īk* "унына (жердь купола юрты)"].

В названном источнике отмечены также двусложные соответствия типа каз., ккап. *iwīk* "унына, унины" возводимые Э.В. Севортяном к **uγuk* (**uγīk*), а с последними, как он предполагал, при определенных условиях можно связать форму (вернее, формы?) с долгими гласными [2, с. 583].

Приводимые выше материалы представляют основу для определенных выводов. В частности, едва ли можно отрицать гомогенность этих слов (в том числе двусложных и односложных). Далее, двусложные формы невозможно сопоставлять с кит. *'uk*, как, впрочем, и односложные формы с долготой гласного, которая при таком сопоставлении не поддается объяснению.

Различия в вокализме дву- и односложных форм могут иметь как фонетическую, так и структурную природу. С одной стороны, вполне вероятно, что, как предполагал Э.В. Севортян, долгота может быть вторична, а с другой — допустима и ее "первичность" (например, в случае туркм. *īk*).

Конечные согласные скорее всего восходят к известным тюркским словообразовательным формантам *-g* и *-k*, модели с которыми характеризуются частичным параллелизмом [27, с. 214].

Можно предположить, что двусложные варианты рассматриваемого названия есть имена, образованные от глагольной основы, типа тув. *иγ-* "поднимать, быть в состоянии поднять", тоф. *иγ-* "поднимать очень тяжелый груз"¹⁹. Она сопоставляется с др.-тюрк. глаголом *и-* "мочь, быть в состоянии что-либо сделать" [41], у которого отмечено также значение "выносить, выдерживать" [28, с. 603] и, кроме того, первичная долгота [32, с. 198]. Возможно, к подобному глаголу могут восходить некоторые односложные варианты названия части юрты (например, чаг. *ig*, возможно, туркм. *īk*).

Иногда словообразовательные варианты могут встречаться очень редко, эпизодично, на периферии тюркских языков, но и в подобных случаях наличие таких вариантов позволяет скорректировать представление о происхождении слова. Ср. в этом плане тюрк. **jatan* "дурной, плохой", которое И.Н. Шервашидзе, внося уточнение в этимологию Г. Рамштеда, считает возможным заимствованием из ср.-кит. *jā-mq̄n* "дикий, варварский; некультурный" [9, с. 64].

Вместе с тем у тюрк. *jatan* есть не вызывающий сомнений вариант: башк. диал. *jatak* "плохой, дурной" (см. [38, с. 110], где, согласно одному из предположений, производящая основа слова *jatan* представлена в **jaγ* "чужой, находящийся во вражде").

Эта версия неоспорна по фонетическим соображениям. Вместе с тем наличие словообразовательного варианта *jatak* делает сомнительной и трактовку *jatan* как кигаизма. Возможно, *jatan* гомогенно с др.-тюрк. *jam* "сор, соринка", тув. *čat* "сор, соринки (плавающие на поверхности воды)"²⁰.

В структурном плане вызывает претензии и сопоставление тюрк. **alaču* "шатер"

¹⁹ Иначе предполагаемая производящая основа слова реконструируется в работе А.Т. Кайдарова [23, с. 293].

²⁰ Допустима, на наш взгляд, также связь с глагольной основой *jam-* в составе имен типа *jamīz* "паш" и *jamdu* "нижняя часть живота". Предполагается, что эта же основа представлена в таких производных, как *jamač* "склон горы", *jamīl-* "сгибаться; скривляться", *jamīk~jamuk* "перекошенный, искаженный" [38, с. 110—111]. Последнее уже достаточно близко к вышеприведенному *jatak*.

со ср.-кит. *lō-sā* "хижина; шалаш в поле..." (заимствование датируется предположительно IV в. н.э.). Про тюркское слово сказано, что оно не имеет "надежной этимологии" [9, с. 55], но это следует в определенной мере считать преувеличением, поскольку, в частности, Э.В. Севортян достаточно убедительно показал структурность данного слова и его морфологическую многовариантность [2, с. 130—131], в которую не укладывается приведенная этимология.

Правда, следует признать, что предлагаемая Севортианом этимология не доведена до логического завершения и в некоторых деталях спорна, но она тем не менее вполне может служить основой объяснения происхождения тюрк. **alaču*, исходя из данных тюркских языков.

Из сказанного ясно, что случаев, которые не согласуются со структурно-морфологическим варьированием слов в тюркских языках, в статье И.Н. Шервацидзе немало. Вместе с тем автор не всегда четко разграничивает варьирование словообразовательное, структурное, с одной стороны, и собственно фонетическое, — с другой, что можно продемонстрировать на примере с тюркским словом, обозначающим кобылу. Исходная форма его реконструируется как **biġ(ä)/bāj(ä)* (ср. у А.М. Шербака — **pā*) и возводится к ср.-кит. *bjġ/совр. pīn* "самка (животного)" [9, с. 58—59].

Исходная форма слова исследователям неясна, и не случайно, что, например, Э.В. Севортян вообще не дает своего варианта его праформы.

И.Н. Шервацидзе опирается на кыпчакские формы типа тат. *bijä*, ног. *bije* и фактически подходит к односложным вариантам (*bī*, *bä* и под.) как к вторичным. Между тем не доказано, что последние представляют собой результат развития двусложных или, по крайней мере, "йотовых" односложных форм. В возможности такой интерпретации форм типа *bī* выражал свое сомнение Э.В. Севортян, обращавший внимание на историческое соотношение *bije* — *bī(-be)* и констатирующий, что первая из этих форм отмечается не раньше староузбекских текстов, в то время как *bī* зафиксировано в столь раннем памятнике, как "Гадательная книжка", и повторяется в старых текстах вплоть до Ибн Муханны. Далее, Э.В. Севортян допускал что *bije* является производной основой от *bī* или *be* [14, с. 133]. С этим в принципе следует согласиться, тем более, что трактовка односложных форм с конечным гласным как результата фонетической эволюции форм двусложных (элизии интервокального *-j-*?) для древнетюркских памятников не убедительна.

Надо сказать также, что и возведение тюркского слова к ср.-кит. *bjġ* мало что объясняет в структурно-фонетических характеристиках этого слова как в односложных, так и двусложных его вариантах. Характер внешнего сходства китайского и тюркских наименований таков, что пока трудно судить, какова природа этого сходства. Этимология тюркского слова (точнее — слов) пока остается непроясненной.

9. И.Н. Шервацидзе в достаточной мере не анализирует морфологическую структуру рассматриваемых им тюркских слов, а те их компоненты, которые явно могут быть деривационными формантами, предстают у него нередко как некие добавления неясного характера, вообще не принимаемые во внимание. Это было отмечено, например, при рассмотрении тюркского названия слона, но подобный случай — не единственный.

Так, одно из названий молотка представлено в формах **čäküč* (**čäküč*), но почему-то фактически они обе возводятся к исходной форме **čäküč*, а последняя без каких-либо сомнений объявляется заимствованием из ср.-перс. *čakuč* "молоток, молот", которое, в свою очередь, сопоставляется с авест. *čakuš-* "молот для метания; (босвой) топор для метания", н.-перс. *čakuš* "молот(ок)" [9, с. 73—74].

Но как быть со второй из восстанавливаемых автором праформ тюркского слова — **čäküč*? О ней ничего не говорится: она как бы просто отброшена. А ведь эта форма не сводима к **čäküč*. Здесь скорее всего самостоятельное производное от той же основы, что была производящей и для **čäküč*.

Едва ли можно уверенно говорить о том, что тюркское слово заимствовано из перс. *čakiš*. М. Ряснен предполагал здесь обратное заимствование [42, с. 103].

Вполне допустимо, что тюрк. **čäkũč* одноструктурно с такими явно тюркскими по происхождению словами (названиями орудий), как тур. *tokaç*, азерб. *toxač* "колотушка, валец для белья" (< *tok-* "бить"), тур. *dövüş* "вазек; пестик" (< *döv-* / *dög-* "бить, колотить") [27, с. 270, 271]. Слово **čäkũč*, как и **čäkũk*, может быть производным от тюркской глагольной основы *čäk~ček-* "тянуть, тащить", а также "бить, ударять, колотить"; ср. также кирг. *tegirmen ček-* "ковать мельничный жернов".

Сходным с рассмотренным можно считать и случай **kõpũr* (/ **kõp(ũ)rũg*) "мост". Это слово относится, не зная на критику Г. Дёрфера, к числу греческих заимствований и сопоставляется с др.-греч. *υέφωρα* "мост", н.-греч. *υέφωρα* тж. "Греческая этимология слова... представляется довольно убедительной", хотя "некоторые фонетические детали и здесь остаются неясными (причины оглушения начального согласного, отпадения конечного гласного)" [9, с. 79]²¹.

Добавим, что нам неясно и появление во втором варианте праформы конечного *-(ũ)g*, как неясен (исходя из предлагаемой этимологии) и статус этого компонента (фонетический или морфологический).

Можно, однако, предположить, что **kõpũr* и **kõp(ũ)rũg* имеют не фонетические, а структурные различия: например, первый вариант, вероятно, — производное на *-(ũ)r* от глагола в основной форме (**kõp(ũ)-*), а второй — производное на *-(ũ)g* от глагольной основы в форме каузатива (**kõpũr-*).

По мнению Г. Дёрфера, исходной могла быть глагольная основа *kõp-* "пеститься". Мотивируется это тем, что название моста первоначально могло относиться к какому-то виду понтона [4, III, с. 587].

Однако такая версия не имеет убедительного семантического подтверждения. Другие значения слов, являющихся соответствиями тюркского названия моста, не поддерживают предлагаемой Г. Дёрфером первоначальной его семантики: ср. такие значения, как "плотина, дамба", "скоба, зажим" и (в сочетаниях) "ремень (пряжки)", а также тел. *kõmũr* (< **kõpũr*) "узкое, обрывистое место на вершине горы" [15, II, стлб. 1313, 1321; 42, с. 292].

В этих значениях явно прослеживается общий компонент "нечто узкое, длинное и служащее для связи, соединения". Возможно, первоначально и мосты представляли нечто подобное, например, переброшенное через реку дерево, жердь, веревку и т. п. (ср. как. диал. *kõbirtki* "мостки, перекладина через ручей или топкое место").

Напрашивается сопоставление с туркм. *kõpi* (*kõp-i*) "нитка для шитья верблюжьего седла", *kõpe-* "прошивать, стегать", башк. диал. *kũbẽ-* тж., тур. *kõpũle-* "стегать (матрац и т. п.)", где можно вычленить и глагольную основу **kõp-* "связывать; соединять", и соотносительную с последней именную **kõp* "связывающее, связка". Название моста в принципе может восходить к любой из них (с определенными структурными, но не фонетическими различиями). Ср. также якут. *kõpsõ* "сплетенная из тальника вязка (крепление)" и *kõbdõx* диал. "ремень для скрепления лямки с поясом в оленьей упряжи" [44, с. 115].

Иногда в тех ситуациях, когда в составе тюркских слов оказываются такие компоненты, которые выглядят как бы "лишними", избыточными по сравнению с их предполагаемыми иноязычными прототипами, И.Н. Шервашидзе констатирует наличие "словообразовательных сложностей", хотя и не указывает, как эти сложности преодолевать. Таков случай с названием кувшина, исходные

²¹ С фонетическими трудностями сопряжена и предшествующая этимология, где, вслед за К. Менгесом, предполагается связь тюрк. *idũ* "сосуд" с греч. *ἰδκος* "блюдо" [9, с. 79], но, где, думается, можно видеть производное от глагола типа др.-тюрк. *idũ-* "собирать" [28, с. 203]. В плане семантики ср. русск. *сосуд*, *судно* с первичным значением "вместилище, составленное из частей" [43].

формы которого выглядят как **kūḍāč* (**kōḍāč*) // **kūzāč* [9, с. 76], причем, судя по информации, даваемой там же, **kūzāč* оказывается наиболее древней формой (представлена в др.-тюрк. предположительно с VIII в., а определенно — с XI в., но уже наряду с диал. *kūḍāč*), тогда как "современные формы (в основном северо-восточные) восходят к **kōḍāč*" [9, с. 76] (точнее, к **kōḍāč* [42, с. 286]).

"Для этого слова предполагается иранский источник...", и оно сравнивается, в частности, с «н.-перс. *kūza* "глиняный сосуд, кувшин..." ... согд. *ks'* "чаша, кубок"» [9, с. 76].

Отметим, что среди чередующихся в ряде тюркских слов интервокальных согласных *d~z~j* наиболее древним признается *d(ḍ)*, а в рассматриваемом случае таковым фактически оказывается *z*, что аномально. Здесь памятниками оказались зафиксированными вторичные, по-видимому, иранизованные варианты тюркского слова (в особенности — *kūzāč*), каковые следует исключить из числа исходных форм. Иранское влияние отразилось не только на форме, но и на семантике древнетюркских слов, означающих "кувшин".

Вероятно, ближе к исходной форме современные корреляты слова типа **kōḍāč*, сохраняющие, судя по всему, и первоначальное значение — "горшок" (см. [42, с. 286]), а соответствующая реалья могла быть названа по своей форме.

Можно предположить, что это название — отглагольное имя, гомогенное с производными от глагола **gōt~*kōt*-, вычленяемого в таких словах, как *gōdek* ... "неуклюжий; низкий, низкорослый", *gōde* "низкорослый, полный, пузатый". Эта глагольная основа имеет и двусложный вариант **gō-de-*, одним из производных от которого считается тур. диал. *gōdele* (<*gōde-le*)²² "низкий и широкий в боках глиняный кувшин" [16, с. 59].

С **kōḍāč* сопоставимы тюрк. *gōveč~gūveč* и под., представляющие собой также названия горшков и других видов глиняной посуды. Их этимология не дается [16, с. 53—54], но по аналогии с предшествующим случаем можно допустить, что они гомогенны с такими анатомическими названиями, как *gōvde~gōvre* ... "туловище; туша; грудь (бюст); живот" [16, с. 52—53].

²² Вероятно, структура этого слова может быть представлена в виде *gode-le* (ср. тур. диал. *gōdel* "выпячивать, опухать" [16, с. 59]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добродомов И.Г. Булгарские заимствования в древнерусском и других славянских языках как источник для проблемы этногенеза чувашей // Вопросы истории чувашского языка. Чебоксары, 1985. С. 31.
2. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
3. Рона-Таш А. Алтайский и индоевропейский // ВЯ. 1990. № 1.
4. Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I—IV. Wiesbaden, 1963—1975.
5. Хелимский Е.А. Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика // ВЯ. 1986. № 5. С. 72—73.
6. Щербак А.М. // ВЯ. 1989. № 6. С. 135. Рец. на кн.: Doerfer G. Mongolo-Tungusika. Wiesbaden, 1985.
7. Базарова Д.Х., Шарипова К.А. Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1990. С. 146.
8. Иванов Вяч. Вс. К проблеме тохаро-алтайских лексических связей // ВЯ. 1988. № 4.
9. Шервацидзе И.Н. Фрагмент общетюркской лексики. Заимствованный фонд // ВЯ. 1989. № 2.
10. Шервацидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // ВЯ. 1990. № 3.
11. Еремеев Д.Е. "Тюрк" — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) // СЭ. 1990. № 3.
12. Баскаков Н.А. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // СТ. 1987. № 5.
13. Дыбо А.В. Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I, М., 1989.
14. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978.
15. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893—1911.

16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". М., 1980.
17. Тенишев Э.В. Строй саларского языка. М., 1976.
18. Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 56.
20. Мухаммед Якуб Чинги. Келур-наме (Староузбекско-таджикско-персидский словарь XVII в.) / Введение, транскрипция и перевод текста, глоссарий, лексико-грамматический очерк, грамматический указатель Ибрагимов И. А. Ташкент, 1982. С. 72, 115.
21. Этимологический словарь славянских языков. М., 1981. Вып. 8. С. 133.
22. Уйгурско-русский словарь / Сост. Наджип Э.Н. М., 1968.
23. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
24. Slason G. An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972.
25. Татаринцев Б.И. Об этимологии некоторых предполагаемых заимствований и алтаизмов // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990.
26. Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989. С. 160.
27. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
28. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
29. Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка. Саратов, 1984. С. 75.
30. Малов С.Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957. С. 45.
31. Тукушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991.
32. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
33. Татаринцев Б.И. К вопросу о соответствиях типа "фарингализация — первичная долгота" // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск, 1986.
34. Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.
35. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
36. Боровков А.К. Бади'и' 'ал-лу'ят. Словарь Та'ли' Им'ан'и Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. С. 75.
37. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959. С. 355.
38. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Жу", "Ж", "Й". М., 1989.
39. Татаринцев Б.И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М., 1987. С. 131 и сл.
40. Тенишев Э.Р. Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке // Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965. С. 54, 65.
41. Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. С. 236.
42. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
43. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 431.
44. Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976.

(Окончание следует)